

КТО РАССКАЗЫВАЕТ НАШУ ИСТОРИЮ? НАРРАТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И МИФ О СУВЕРЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В. В. Бабич

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск

Анализируется связь между нарративной идентичностью, бессознательными структурами памяти и культурным контекстом. Основное внимание уделяется разделению на 'внутренние' (автобиографические, основанные на личном опыте) нарративы и 'внешние' (культурные, исторические и социальные метанарративы) элементы конструирования идентичности. В работе используется концепция 'нарратива идентичности' — бессознательной основы идентичности, формируемой недеklarативной памятью, которая предшествует рефлексивному автобиографическому повествованию. Для объяснения связи нарративной идентичности и бессознательного вводится понятие 'нарративного бессознательного' — это нерелексивный способ восприятия вещей, их оценок и взаимодействия с ними, то, что составляет неосознаваемый культурный горизонт личности; неосознанное, но воспринятое изменение традиций. 'Нарративное бессознательное' является аспектом идентичности, который содержит неартикулируемую и неосознаваемую связь личной истории и культурной среды. На примерах работ М. Фримена, А. Макинтайра и Ч. Милоша демонстрируется, как личный опыт взаимодействия с коллективными нарративами формирует часто неосознаваемое единство индивидуального и надличностного. Утверждается, что анализ нарративной идентичности должен включать не только вопросы о способах построения автобиографического нарратива и его значениях, но и вопрос различения множественных источников, которые конструируют личную идентичность. Это подразумевает создание расширенной модели нарративной идентичности, понимаемой как динамичный процесс, в котором сознательное конструирование автобиографии сопряжено с использованием имплицитных и бессознательных культурно-опосредованных элементов памяти.

Ключевые слова: нарративная идентичность, бессознательное, личная идентичность, префигурация, нарративное бессознательное, самость, имплицитная память.

Для цитирования: Бабич В. В. Кто рассказывает нашу историю? Нарративное бессознательное и миф о суверенной идентичности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 3. С. 83–91. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-3-83-91. EDN: PVWYUP.

© Бабич В. В., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

WHO WILL TELL OUR STORY? UNCONSCIOUS NARRATIVE AND THE MYTH OF SOVEREIGN IDENTITY

V. V. Babich

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

The article analyzes the relationship between narrative identity, unconscious memory structures, and cultural context. The main attention is paid to the division into 'internal' (autobiographical, based on personal experience) narratives and 'external' (cultural, historical, and social metanarratives) elements of identity construction. The paper uses the concept of 'identity narrative' — the unconscious basis of identity formed by non-declarative memory that precedes reflexive autobiographical narration. To explain the connection between narrative identity and the unconscious, the concept of 'narrative unconscious' is introduced. It is a non-reflexive way of perceiving things, their assessments, and interaction with them, what constitutes

the unconscious cultural horizon of the individual; an unconscious, but perceived dimension of traditions. 'Narrative unconscious' is an aspect of identity that contains an unarticulated and unconscious connection between personal history and the cultural environment. Using examples from the works of M. Freeman, A. MacIntyre and C. Milosz, it is demonstrated how personal experience of interaction with collective narratives forms an often unconscious unity of the individual and the transpersonal. It is argued that the analysis of narrative identity should include not only questions about the ways of constructing an autobiographical narrative and its meanings, but also the question of distinguishing between the multiple sources that construct personal identity. This implies the creation of an expanded model of narrative identity, understood as a dynamic process in which the conscious construction of autobiography is associated with the use of implicit and unconscious culturally mediated elements of memory.

Keywords: narrative identity, unconscious, personal identity, prefiguration, narrative unconscious, self, implicit memory.

For citation: Babich V. V. Who will tell our story? Unconscious narrative and the myth of sovereign identity. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 3. P. 83–91. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-3-83-91. EDN: PVWYUP.

© Babich V. V., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

1. Введение

За последние десятилетия возникло несколько направлений междисциплинарных исследований на стыке философии, социологии, истории и психологии, использующих концепт нарратива в качестве основания для размышлений о проблеме личной идентичности. В статье анализируется связь нарративной идентичности с ментальной структурой личности, выступающей в качестве бессознательной (аноэтической) части памяти, на основании которой строится автобиография субъекта. Для этого предлагается провести разделение на 'внешний' и 'внутренний' нарратив, где 'внутренний' нарратив — это автобиографический нарратив, выстраиваемый самим субъектом исходя из личного опыта переживания излагаемой им истории (как напрямую, так и опосредованно через идентификацию, отождествление и интерпретацию) [1, р. 328–237]. В свою очередь, 'внешний' нарратив — это различные 'большие нарративы', гуманитарные науки, история, философия, социология и пр.

Философские размышления и социально актуальные комментарии нередко апеллируют к историческому опыту с целью прогнозирования событий, создания артикулированного смысла и придания тем или иным ценностям аттрактивности. Аристотель, Августин Блаженный, Макс Вебер, Зигмунд Фрейд и многие другие мыслители перечитывали и интерпретировали историю, чтобы получить представление о человеческой природе. Обращение к античной истории послужило вдохновением для эпохи возрождения и конструирования новой социальной реальности для человечества в эпоху просвещения; однако исторические нарративы также могут быть использованы для оправдания агрессии и человеческих страданий. Успешное использование истории для создания убеждений, элиминирующих моральные императивы, возможно в случае интеграции части 'внешних' нарративов во 'внутренние' нарративы, выступающими основаниями нарративной идентичности.

Человеческое сознание связано со способностью создавать, сохранять и передавать истории. Наша потребность поддерживать разделение между прошлым, настоящим и будущим требует создания как личных повествований, так и исторических нарративов [2, с. 50–51]. История человечества на-

чинается с рассказывания. Сказки, басни и космогонические мифы присутствуют во всех культурах, обеспечивая повествование о природе и происхождении всего окружающего нас [3, с. 15–16]. Среди первых действий, образующих связь между матерью и ребенком, — рассказывание историй. Все жизненные уроки, включая наши представления о морали и ценностях, эксплицируются повествованием, сохраняются и передаются им [4, с. 166]. Динамика автобиографического нарратива развивается на протяжении всей жизни личности, что приводит к уникальному и единственному способу организации рефлексивных присвоений, образующих 'нарративное единство'. Таким образом, идея личной идентичности и сама ее возможность связаны с понятием нарратива и нарративности.

Нарративная идентичность развивается и трансформируется в течение жизни как через получение вербальной информации, так и довербальной, усвоенной бессознательно. Последнее включает в себя следующие обстоятельства: опыт с высокой эмоциональной валентностью, высокая частота повторений и длительная продолжительность воздействия. Нарративная идентичность сопряжена с бессознательной аноэтической памятью, которая обеспечивает связь автобиографического нарратива с опытом перспективы от первого лица. Автобиография становится частью автоноэтического сознания, человеческой способности мысленно путешествовать назад в прошлое, осознавая и изучая себя в его контексте. Нарративная идентичность формируется в зависимости от когнитивного развития, языковых компетенций и возникновения рефлексивных присвоений (интериоризации) на протяжении всей жизни личности.

Термин 'нарративная идентичность' обычно возводят к работам таких философов, как П. Рикёр, А. Макинтайр и Ч. Тейлор, которые относились к личному, автобиографическому нарративу как к выражению жизненной истории, сознательно развиваемой человеком. Стремясь к нарративному единству, то есть к созданию интеграции собственных жизненных событий в единство своего жизненного проекта во времени, субъект конструирует автобиографический нарратив, что позволяет осознавать самотождественность собственного существования в качестве чего-то, казуально и ак-

сиологически фундированного, связанного и континуального.

В контекстах междисциплинарных исследований нарративная идентичность рассматривается как часть сознательной автобиографической интеграции жизненных событий [5, с. 118–119]. Данная интеграция предполагает в качестве необходимого условия своей реализации две способности: (1) способность субъекта к построению автобиографического нарратива и (2) способность оценивать нарративы с помощью критериев, удостоверяющих их правдоподобность [6, с. 95–96]. Подобное понимание концепта нарративной идентичности создает уязвимость для критики с точки зрения связи автобиографического нарратива с бессознательной частью ментальности личности и ее опыта существования, предшествующего формированию способности к выстраиванию нарративного единства.

Таким образом, одним из направлений критики является обсуждение ограниченной способности нарративной идентичности объяснять статус человека до возникновения (или после утраты) возможности осознанно выстраивать целостный автобиографический нарратив. Кроме того, озвучиваются обвинения в отсутствии оценки способности человека к саморефлексии и интроспекции, уровня ясности и осознанности в построении автобиографического нарратива [7, р. 103–110]. По мнению критиков, это приводит к игнорированию бессознательного в структуре 'Я' и «лишению значительной части людей полноценной идентичности» [8, с. 180].

2. Нарратив идентичности: имплицитная память и конструирование самости

Психиатр и нейробиолог Л. Сквайр, изучая, как влияет на память больных, перенесших инсульт, локализация очага поражения, установил, что существует по меньшей мере два различающихся типа памяти. Он предложил различать память декларативную (рефлексивно-дискурсивное, сознательное воспоминание) и недеklarативную (нерефлексивное, бессознательное чувство прошлого) [9, р. 493–495]. Недекларативная память (имплицитная) связана с привычками или с процедурными навыками, воспроизводимыми автоматически. Она не включает в себя воспоминания, требующие маркирования с помощью языковых средств, по сути, это условные рефлексы и моторная память. Примерами ее проявления являются навык езды на велосипеде или умение играть на музыкальном инструменте, навык чтения, завязывание шнурков и т.д. Декларативная память (эксплицитная) отвечает за две разновидности осознанных воспоминаний — знание фактов и знание событий. Примером фактического знания может выступать знание названий времен года и месяцев. Примером событийного знания являются случаи из собственного детства.

Позднее Э. Тульвинг описал различия между декларативными семантическими воспоминаниями (фактами) и декларативными эпизодическими воспоминаниями (событиями). Декларативные семантические воспоминания — это воспоминания, из которых мы ретроспективно выстраиваем смысловые характеристики чего-либо, они составляют семантическую память, которая находит свое выражение с помощью языковых средств и представляет собой систему знаний, представленных с помощью вербальных символов [10, р. 4–5].

Подтипом эпизодических воспоминаний (событий) является автобиографическая память, которая начинает формироваться с дошкольного периода. Связь нарратива и автобиографической памяти описана рядом научных и философских исследований [11–14]. Автобиографическая память рассматривается как фундаментальное условие формирования личной идентичности. Однако с нейробиологической и психологической точек зрения не только автобиографическая память (как элемент декларативной памяти) выполняет функцию поддержания стабильности, связности и предсказуемости личности, но и имплицитная память участвует в этих процессах [15, р. 1214].

Ряд исследователей выдвигает гипотезу о том, что нарративная идентичность связана не только с декларативной памятью, но и с имплицитной памятью как формой бессознательного, содержащей процедурные воспоминания и сформированные предсказуемые модели поведения и реакции на стимулы окружающей среды. Для обозначения имплицитной эмоциональной и когнитивной структуры, которая служит бессознательной основой для постепенного развития автобиографической памяти, используется понятие 'нарратив идентичности' (identity narrative) [16, 17]. Нарратив идентичности, в отличие от нарративной идентичности, выступает довербальной формой конструирования личной идентичности и является концептуализацией бессознательного, выполняя стабилизирующую функцию, обеспечивающую предсказуемость и социальную стабильность личности. Наряду с автобиографическим повествованием нарратив идентичности входит в структуру автобиографической памяти, которая продолжает формироваться на протяжении всей жизни, определяя ощущение самотождественности.

Нарратив идентичности состоит из бессознательных сценариев, ключевых событий личного опыта (его не отрефлексированных моментов) и части 'внешних' нарративов, включенных в имплицитную память в качестве зафиксированных бессознательных установок. Нарратив идентичности обеспечивает автобиографическую память предсказуемыми моделями реакции на окружающую среду, которые начинают формироваться в первых дидактических отношениях с родителями и наиболее активно формируются в дошкольные годы начиная с момента инфантильной амнезии и продолжает формироваться и перестраиваться на протяжении всей жизни [18, р. 20–21].

Функционируя вне области осознаваемого нарратив идентичности, как форма имплицитной памяти, участвует в формировании аноэтического сознания и связан с конструированием автобиографии, создавая глубокое и постоянное ощущение самотождественности, ощущения того 'что я — это я' здесь и сейчас [19, с. 16]. Несмотря на то, что нарратив идентичности является частью имплицитной памяти, он скорее задает способ существования, чем способ запоминания. Данный способ существования формируется взаимодействием с родителями, формированием привязанности, культурной средой и ранним жизненным опытом [20, р. 156–157].

Таким образом, нарратив идентичности, сохраняя неявные воспоминания до появления автобиографической памяти, формирует неререфлексивное чувство самотождественности и выступает базовым каркасом для последующего формирования автобиографических воспоминаний и выстраивания личного нарратива.

3. От префигурации к автобиографии: связь и различие нарративной идентичности и нарратива идентичности

Формируя концепцию нарративной идентичности, Рикёр признавал преднарративный уровень понимания, определяя его через понятие 'префигурации'. Префигурация служит необходимым уровнем предпонимания и основой зарождения фабулы повествования [21, с. 208–209]. По мнению И. С. Вдовиной, она содержит словесно и структурно неоформленные жизненные ситуации, в которых действуют различные обстоятельства и агенты, при этом их действия, на данном этапе, не связаны причинно-следственными отношениями [22, с. 23–24]. Префигурация не предполагает выстраивания некоего целостного повествования, связанного авторским замыслом и причинно-следственными объяснениями, она является посредником между стадией практического опыта (в нашем контексте это нарратив идентичности и недеklarативная память) и нарративом, содержащим казуальные и временные связи. Рикёр утверждал, что донарративный уровень понимания основан на том факте, что индивидуальное сознание содержит в себе культурные смыслы и символы, с помощью которых происходит более позднее конструирование своей идентичности через интерпретацию собственного опыта существования в личном нарративе [23, с. 56].

Нарратив идентичности, являясь частью недеklarативной памяти и анаэтического сознания, подобно префигурации Рикёра, содержит в себе словесно и структурно неоформленные жизненные ситуации, происходящие с личностью на ранних этапах ее становления и возникающие позже в неотрефлексированном опыте отношений с культурными символами, нарративами и их содержанием.

Концепция 'нарратива идентичности' через понятие 'префигурации' связана с концепцией 'нарративной идентичности', но между ними есть принципиальные различия. Нарративная идентичность — это сознательно вспоминаемая и представленная в автобиографическом нарративе история жизни. Она структурно связана с временной шкалой (прошлое, настоящее и будущее), причинно-следственными связями, принципом правдоподобности, здравым смыслом и отражает интенциональность личности. Нарратив идентичности содержит навыки и память, которые не располагаются сознанием на временной шкале, а также воспоминания, которые могут быть не связаны логикой причин и следствий и включают в себя первичное процессное мышление.

Нарративная идентичность стабилизирует и структурирует 'Я', позволяет определять себя по отношению к другим персонам и группам, а также позиционировать себя относительно своего прошлого и планов на собственное будущее; она является частью самоанализа и интроспекции. Нарратив идентичности возникает в ранних дидактических отношениях и формируется в силу природы взаимодействия младенца и первых воспитателей. Он является формой сохранения неосознаваемой памяти интерактивного опыта.

Нарративная идентичность содержит в себе преднарративный уровень понимания (соответствующий префигурации по Рикёру), который фундирован культурным контекстом. Нарратив идентичности полностью фиксируется на интерактивном, непосредственном и преднарративном аспекте социальных контактов, включает в себя бессознатель-

ные компоненты, играющие роль в невербальной коммуникации.

На этих основаниях можно обозначить ключевое различие между нарративной идентичностью и нарративом идентичности. Выстраивание нарративной идентичности — это прежде всего свойство человека, связанное с его существованием в культурной среде. 'Нарратив идентичности' — это концепция бессознательного, связанная с недеklarативной памятью и анаэтическим сознанием, являющаяся более ранним эволюционным способом консолидации памяти. Подобное свойство обнаруживается у высокоорганизованных млекопитающих и скорее связано с эволюцией мозга, чем культурным контекстом [24, р. 70; 25, р. 209]. Нарратив идентичности выступает необходимым предшествующим элементом для обеспечения стабильности личной идентичности, которую мы обнаруживаем в автобиографическом 'Я'. С психологической точки зрения, этому соответствует термин 'автобиографическая память', с философской — 'нарративная идентичность'.

4. Нарративное бессознательное: личная идентичность и культурный горизонт

Для описания связи личной идентичности с культурным измерением автобиографического нарратива рядом исследователей предлагается концепт 'нарративного бессознательного' [26–28]. Он выражает связь культурных символов и повествований с формированием автобиографической памяти и относится не столько к тому, что было вытеснено, а скорее к тому, что было прожито или воспринято, оставаясь при этом неосмысленным и нерассказанным. Таким образом, нарративное бессознательное является аспектом бессознательного, которое содержит неартикулируемую связь личной истории и культурной среды. С такой точки зрения, концепт нарративной идентичности — это не только вопрос о способах построения автобиографического нарратива и его значениях, но и вопрос различения множественных источников, которые конструируют личную идентичность.

М. Фримен, описывая свою поездку в Берлин, во время которой произошло его столкновение с 'трудным наследием' немецкой культуры, с историей тех ужасных событий, которые произошли здесь в 1930-х и 1940-х годах, приходит к выводу, что личный опыт, выраженный в повествовании, всегда встроен в реляционные, культурные и исторические контексты, включающие элементы, которых рассказчик даже не осознает: «Послевоенная молодёжь, в частности, столкнулась с нацистским периодом через образы и повествования. Их восстановление прошлого в конечном итоге было основано на "внешних воспоминаниях". Возникло гражданское общество, основанное на заполненном образами коллективном сознании, которое освободило людей от их внутренних миров» [26, р. 194].

Говоря о нарративной идентичности, он предлагает рассматривать множество источников формирования личности: не только нарративный самоотчет и личные воспоминания, но и нерассказанные и неосмысленные события, элементы и символы культуры, не выраженные в нарративе. Формирование идентичности по Фримену является процессом поэзиса, который, в свою очередь, является частью общей истории [26, р. 209–210]. Если повествование вплетено в ткань опыта, будучи способом его организации и выражения, и не является чем-то искусственно привнесенным извне, то narra-

тивное бессознательное можно воспринимать как 'повествовательный резерв' — это еще не рассказанные и не написанные истории (как личные, так и принадлежащие культуре), но которые являются составляющими опыта, запечатленного в нашей глубинной памяти, которая сама по себе отчасти состоит из различных слоев общей истории и культуры.

Нарративное бессознательное отображает процесс связи, посредством которой элементы культурного горизонта влетают в ткань памяти субъекта. Прежде всего, это укорененные в культуре аспекты личной истории человека, которые остаются не осознанными и, следовательно, еще не включены в автобиографический нарратив. Таким образом обнаруживается парадокс, проявляющийся в том, что те, кто конструирует 'внутренний' нарратив, рассказывая собственную историю, вынуждены выйти за пределы автобиографического описания, поскольку нарративное бессознательное является элементом данного конструирования и всегда связано с 'внешним' нарративом.

Истории сообществ, подобно личным историям, связаны со способностью создания собственного нарратива и анализа опыта, в нем выраженного [29, с. 233]. Развивая эту идею, Д. Карр отмечает, что «история сообщества существует там, где существует нарративный отчет о человеке, обретая свое непрерывное существование через его опыт и деятельность» [30, р. 163]. Он полагает, что общества, как и индивидуальности, постоянно находятся в процессе конструирования и реконструирования своих собственных историй. М. Лайнбек связывает этот процесс с феноменом памяти: «Память работает в некоторой степени схожим образом для индивидуальных и коллективных субъектов. В каждом случае мы создаем и представляем нашу идентичность с помощью идиом и инструментов, имеющихся в нашем распоряжении. <...> Не только конституция коллективного субъекта работает аналогично конституции индивида в целом, но и индивидуальный опыт и личный нарратив предоставляют идиомы для повествования о коллективном опыте и коллективной идентичности» [31, р. 244–245].

Нарративное бессознательное связывает объект и его интерпретацию, моменты существования с памятью и культурным контекстом, другими словами, феноменологические переживания с тем, что находится за пределами 'Я', выступая предпосылкой для последующей герменевтической работы нашего сознания. Нарративное бессознательное — это нерелексивные способы восприятия вещей, способов их оценок и взаимодействия с ними, то, что составляет культурный горизонт личности; неосознанное, но воспринятое измерение традиций. Это предполагает наличие бессознательных элементов, имеющих значение при наших встречах с объектами, событиями и их интерпретациями. Бессознательное здесь воспринимается не в строгом фрейдистском смысле, как нечто вытесненное и инстинктивное, а как неосознанные аспекты 'внешних' нарративов (истории и культуры), в контексте которых формируется 'внутренний' нарратив.

Критики нарративной идентичности часто говорят об условности, неопределенности и субъективности нарратива. По сути, их критику конструирования нарративной идентичности можно рассмотреть с точки зрения более общего вопроса — корреляции имплицитной природы опыта с процессом его интерпретации. Это возвращает нас к мысли о том, что наряду с повествованием

о жизни человека всегда существует форма контрнарратива, которая конфликтует с устоявшейся интерпретацией повествования о себе, с ее категориями и условностями, используемыми для придания значения событиям биографии. Из этого следует, что нарративное бессознательное может содержать в себе контрнарративы, которые, будучи осмысленными, могут послужить основой для новой интерпретации собственной биографии. Таким образом, обращение к нарративному бессознательному позволяет через создание повествования о себе осмысливать контрнарративы, наполняя личную историю новым смыслом, сложностью и глубиной.

5. Нарративное бессознательное: унаследованные истории и архитектура самости

Размышляя о надличностных измерениях формирования личной идентичности, Макинтайер замечает: «Я являюсь чьим-то сыном или дочерью, я чей-то двоюродный брат или дядя; я гражданин того или иного города, племени, нации. Отсюда то, что есть благо для меня, есть благо для того, кто воплощает эти роли. Как таковой, я унаследовал прошлое моей семьи, моего города, моего племени, моей нации и унаследовал различные долги, оправданные ожидания и обязательства. Они составляют данность моей жизни, мою моральную точку зрения. Это именно то, что придает моей жизни собственную ей мораль» [4, с. 298]. Такая мысль контрастирует с максимой индивидуализма, которая утверждает, что 'я тот, кем я выбрал для себя быть'. Макинтайер продолжает: «Я могу быть законным гражданином определенной страны, но я не могу быть ответственным за то, что сделала моя страна, если я не принял на себя явно или неявно такую ответственность» [4, с. 298].

Утверждение, согласно которому личность отделена от своих социальных и исторических ролей и связанных с ними ценностями, ставится под сомнение опытом подобно тому, который описывает Фримен в своей поездке в Берлин. Обратимся снова к Макинтайеру: «То, что я представляю собой, в решающей степени есть то, что я унаследовал, то специфическое прошлое, которое представлено до некоторой степени в моем настоящем. Я обнаруживаю, что являюсь частью истории, и это вообще означает, нравится мне это или нет, осознаю я это или нет, что я один из носителей традиции. Когда я характеризую концепцию практики, важно отметить, что практики всегда имеют историю и что в любой данный момент то, чем является практика, зависит от ее понимания, которое часто проносится через многие поколения. И таким образом, в той степени, в какой добродетели поддерживают отношения, требуемые для практики, они должны поддерживать отношение к прошлому — и к будущему — так же, как и к настоящему» [4, с. 299].

Именно фраза 'нравится мне это или нет, осознаю я это или нет' имеет ключевое значение, когда мы говорим о нарративном бессознательном в контексте высказывания Макинтайера. Многие аспекты нашего исторического наследия либо сознательны, либо предсознательны, то есть доступны сознанию и могут быть вызваны в памяти при соответствующих обстоятельствах. Но некоторые из них являются бессознательными, они относятся к тем глубоким пластам истории, о которых мы в значительной степени не осведомлены. Именно эти укорененные в культуре аспекты общей истории, которые еще не стали частью чьей-либо личной истории, скры-

ты в нарративном бессознательном. Они скрыты не только работой психологического вытеснения, но тем, что остаются неосмысленным и, таким образом, еще не является частью собственной истории 'Я'.

Если представить, что подобная 'скрытость' является тотальной, то мы должны обнаружить суверенную личность, свободную в выборе своего пути и которая может игнорировать исторические и культурные аспекты своего существования. Несомненно, есть много людей, которые считают, что их прошлое начинается только с их собственного рождения. Они верят, что в их силах полностью упорядочить свое существование своими собственными решениями и решениями своих современников. С точки зрения нарративного бессознательного, подобное представление о личной идентичности является неполным.

Концепция 'нарративного бессознательного' утверждает, что опыт восприятия себя личностью включает в себя то, что выходит за пределы собственного опыта 'Я'. Пространство нашей памяти формируется не только из воспоминаний о событиях нами пережитых, но и воспоминаний других [32, с. 38; 33, с. 41]. Следовательно, мы можем говорить о связи 'внешних' и 'внутренних' нарративов как о связи исторической памяти с памятью индивидуальной [34, с. 68]. История же во всем своем многообразии воспринимается как часть памяти, которая онтологизирует себя в личности, но при этом не ограничена продолжительностью жизни человека, преодолевающего это ограничение посредством создания 'внешних' нарративов. Данные рассуждения возвращают нас к герменевтическому вопросу Х.-Г. Гадамера: «История принадлежит нам или мы принадлежим истории?». Он считал, что «наше историческое сознание наполнено множеством голосов, в которых отзывается прошедшее. Прошедшее существует лишь в многообразии этих голосов, что и образует существо исторического предания, к которому мы причастны и в котором стремимся участвовать». [35, с. 337–338].

Задолго до того, как мы осознаем себя через процессы саморефлексии и интроспекции, мы обнаруживаем себя в семье, обществе и государстве, имеющих собственные нарративы, предшествующие моему 'Я'. Память всегда превосходит то, что мы можем высказать. Подобный взгляд меняет фокус восприятия памяти и автобиографических проектов. Если попытаться отобразить это изменение в виде вопросов, то мы должны ответить на следующие из них: возможно ли повествование о себе без частичного присвоения 'внешних' нарративов (истории и культуры), и если нет, то происходит ли это присвоение осознанно, как возможно выразить нарративное бессознательное и каковы наилучшие практики автобиографической рефлексии, которые вмещают в себя те события прошлого, которые выходят за рамки жизни личности?

В качестве примера ответов на эти вопросы можно рассмотреть автобиографическое исследование польского поэта Ч. Милоша. В своей книге *Родной мир. Поиск самоопределения* он исследует свои воспоминания, связывая формирующие события своей жизни с культурным и историческим контекстом. Поэт писал: «Осознание своего происхождения, подобно якорю, погруженному в глубину, удерживающему человека в определенном диапазоне. Без него историческая интуиция практически невозможна» [36, р. 20]. Фиксируя интерпретации себя, Милош

обнаруживает связь существования своей личности с более широким миром 'внешних' нарративов. Он пишет о бессознательном опыте, сформировавшем его 'Я', образах и историях детства, ставших частью его жизни: «Знание не обязательно должно быть осознанным. Невероятно, насколько атмосфера страны может проникнуть в ребенка. Сильнее мысли — шелест сухих листьев на тропе, сумерки тяжелого неба... Волга была цвета черного свинца. Я унес навсегда впечатление от скрытого ужаса, от невыразимых диалогов, завершающихся шепотом или подмигиванием глаза» [36, р. 45]. И далее он продолжает: «Вещи, которые окружают нас в детстве, не нуждаются в оправдании, они самоочевидны. Однако если они кружатся вокруг, как частицы в калейдоскопе, беспрестанно меняя положение, требуется немало усилий, чтобы просто встать на твердую почву и не упасть» [36, р. 67]. Милош изображает себя не только в качестве субъекта, источника действий и мышления, но и в качестве объекта, отображающего мир, того кто не только проживает в мире, но и проявляет его. Способность передавать события и дух эпохи в сочетании с непосредственностью человеческой жизни, свойственна как поэзии, так и прозе. Выразить личное и обезличенное одновременно — цель обоих.

Подобное единство личного опыта и исторического контекста демонстрирует универсальный принцип взаимодействия 'внешних' нарративов с рефлексирующим сознанием. 'Внешние' нарративы, фиксация человеческой истории в многообразии её проявлений, являются продуктом автоэтического сознания — потребности сохранять баланс между связью с прошлым и его разграничением с настоящим и будущим. Отец истории Геродот вплетал биографические нарративы в ткань общего повествования, рассказывая о судьбах отдельных личностей он формировал историю.

'Внешние' нарративы участвуют в формировании индивидуальных внутриличностных нарративных структур. Их присутствие обнаруживается в многообразии дискурсивных практик, включающих литературный канон, философскую рефлексию, этические парадигмы и культурные коды. Стремление к созданию смысла на основе этих нарративов настолько сильно, что социальные институты, этика и религии формировали предписания и правила, чтобы ограничить потенциально разрушительные последствия неконтролируемых повествований.

6. Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд положений, раскрывающих взаимосвязь между нарративной идентичностью и бессознательным.

Разделение на 'внутренний' (автобиографический) и 'внешний' (культурно-исторический) нарративы подчеркивает двойственную природу идентичности. Если первый формируется через личный опыт и рефлекссию, то второй часто выступает в качестве неосознаваемой структуры, задающей смысловые рамки для интерпретаций личностного существования. Нарративная идентичность не может быть сведена к сознательному построению автобиографии. Ее фундамент закладывается в бессознательных слоях памяти, связанных с имплицитными воспоминаниями, довербальным опытом и культурной средой.

Для объяснения связи нарративной идентичности и бессознательного в отечественный философский оборот вводится понятие 'нарративного бессознательного', позволяющее эксплицировать связь, посредством которой элементы культурной среды неосознанно заимствуются личностью и на уровне бессознательных процессов участвуют в формировании памяти, оценок и интерпретаций субъекта. Концепт 'нарративного бессознательного' раскрывает, как культурные символы, исторические события и коллективные травмы вплетаются в личную память, оставаясь при этом не артикулированными и не осмысленными. Это делает возможным расширить понимание нарративной идентичности как личной идентичности, формирующейся через рефлексивные нарративные практики, дополнив его бессознательными аспектами, участвующими в конструировании нашего 'Я'. Используя концепт 'нарративного бессознательного', мы учитываем неосознаваемые процессы, формирующие нашу идентичность, берущие свои начала в ранних социальных взаимодействиях и культурной среде.

Сказанное позволяет рассматривать нарративную идентичность как процесс, балансирующий между сознательным конструированием 'Я', бессознательным усвоением культурных кодов и 'внешних' нарративов. Такое понимание нарративной идентичности позволяет осмысливать человеческое существование в качестве личности, чья история всегда диалектична — одновременно конструируется нерелексивным бессознательным чувством прошлого, коллективной памятью и является результатом собственной рефлексии и самоопределения. Это значит, что личность не обладает абсолютной властью над смыслами, формирующими ее идентичность, она во многом становится персонажем уже написанных историй, не осознавая их влияния. Подобный подход противоречит идее автономного субъекта, предполагающей полную свободу самоопределения.

Таким образом, концепт нарративной идентичности должен включать в себя, в качестве основы для формирования устойчивой самоинтерпретации, не только нарративный самоотчет и личные воспоминания, но и нарративное бессознательное — неосознаваемые источники нашей идентичности, являющиеся предпосылкой последующей герменевтической работы сознания. Это открывает новые перспективы для междисциплинарных исследований, объединяющих философию, психологию, и социологию в изучении проблемы личной идентичности.

Список источников / References

1. Ogata T. Internal and External Narrative Generation Based on Post-Narratology: Emerging Research and Opportunities. Hershey, PA: Information Science Reference, 2020. 444 p.
2. Сыров В. Н. К вопросу о нарративной природе социальной реальности и эпистемологическом статусе исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 39–52. EDN: LALUNJ.
3. Сыров В. Н. К вопросу о нарративной природе социальной реальности и эпистемологическом статусе исторического нарратива [About Nature of Social Reality and Epistemological Status of Historical Narratives]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2009. No. 3 (7). P. 39–52. EDN: LALUNJ. (In Russ.).
3. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большакова. Москва: Академический проект, 2010. 256 с.
4. Eliade M. Aspekty mifa [Aspects of Myth] / trans. from Fr. V. P. Bolshakov. Moscow, 2010. 256 p. (In Russ.).
4. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.
5. MacIntyre A. Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali [After Virtue: A Study in Moral Theory] / trans. from Engl. V. V. Tselishchev. Moscow, 2000. 384 p. (In Russ.).
5. Попова И. В. Автобиографический нарратив в контексте междисциплинарного исследования // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 118–127. EDN: TQMNBVN.
6. Popova I. V. Avtobiograficheskiy narrativ v kontekste mezhdistsiplinarnogo issledovaniya [Autobiographical Narrative in the Context of Interdisciplinary Research]. Izvestiya Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences. 2015. No. 2. P. 118–127. EDN: TQMNBVN. (In Russ.).
6. Бабич В. В. Нарративная идентичность: реальность и воображение // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 86–98. DOI: 10.17223/1998863X/80/8. EDN: LZVJBI.
7. Babich V. V. Narrativnaya identichnost': real'nost' i voobrazheniye [Narrative Identity: Reality and Imagination]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2024. No. 80. P. 86–98. DOI: 10.17223/1998863X/80/8. EDN: LZVJBI. (In Russ.).
7. Schechtman M. Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life. Oxford: Oxford University Press, 2014. 214 p.
8. Гаспаров И. Г. Тождество личности и нарратив // Философский журнал. 2018. Т. 11, № 3. С. 180–183. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-3-180-183. EDN: PADAIX.
9. Gasparov I. G. Tozhdestvo lichnosti i narrative [Personal Identity and Narrative]. Filosofskiy zhurnal. Philosophy Journal. 2018. Vol. 11, no. 3. P. 180–183. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-3-180-183. EDN: PADAIX. (In Russ.).
9. Squire L. R., Knowlton B., Musen G. The Structure and Organization of Memory. Annual Review of Psychology. 1993. Vol. 44, no. 1. P. 453–495. DOI: 10.1146/annurev.ps.44.020193.002321.
10. Tulving E. Episodic Memory: From Mind to Brain. Annual Review of Psychology. 2002. Vol. 53, no. 1. P. 1–25. DOI: 10.1146/annurev.psych.53.100901.135114.
11. Щедрина И. О. Индивидуальная память и автобиографический нарратив // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 28–32. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-6-28-32. EDN: DIHELL.
12. Shchedrina I. O. Individual'naya pamyat' i avtobiograficheskiy narrative [Individual Memory and Autobiographical Narrative]. Voprosy filosofii. Problems of Philosophy. 2020. No. 6. P. 28–32. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-6-28-32. EDN: DIHELL. (In Russ.).
12. Василевская К., Кабардов М., Нуркова В. Индивидуально-типологические особенности автобиографической памяти // Психологические исследования. 2011. Т. 4, № 16. С. 1–14. DOI: 10.54359/ps.v4i16.866. EDN: NTUVND.
13. Vasilevskaya K., Kabardov M., Nurkova V. Individual'notipologicheskiye osobennosti avtobiograficheskoy pamyati [Individual Differences and Types of Autobiographical Memory]. Psikhologicheskiye issledovaniya. Psychological Studies. 2011. Vol. 4, no. 16. P. 1–14. DOI: 10.54359/ps.v4i16.866. EDN: NTUVND. (In Russ.).
13. Addis D. R., Tippett L. J. The Contributions of Autobiographical Memory to the Content and Continuity of Identity: A Social-Cognitive Neuroscience Approach. Self Continuity: Individual and Collective Perspectives / Ed. F. Sani. New York: Psychology Press, 2010. P. 71–84.
14. Singer J. A., Bluck S. New Perspectives on Autobiographical Memory: The Integration of Narrative Processing

and Autobiographical Reasoning. *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5, no. 2. P. 91–99. DOI: 10.1037/1089-2680.5.2.91.

15. Baumann N., Kuhl J. Intuition, Affect, and Personality: Unconscious Coherence Judgments and Self-Regulation of Negative Affect. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 83, no. 5. P. 1213–1223. DOI: 10.1037/0022-3514.83.5.1213.

16. Novac A., Bota R. G., Blinder B. Identity Narrative Density: Preliminary Findings from Scoring Emotional Valence of Autobiographical Events. *Bulletin of the Menninger Clinic*. 2017. Vol. 81, no. 4. P. 299–313. DOI: 10.1521/bumc_2017_81_05.

17. Novac A., Zahn C., Blinder B. J. Identity Narrative, Group and Individual Narratives and Their Role in Social Stability: A Multidisciplinary Approach. *Group Analysis*. 2022. Vol. 55, no. 2. P. 191–212. DOI: 10.1177/05333164211012529.

18. Novac A., Tuttle M. C., Bota R., Blinder B. J. Identity Narrative as an Unconscious Scaffold for Human Autobiography. *European Journal of Medicine and Natural Sciences*. 2019. Vol. 2, no. 1. P. 18–27. DOI: 10.26417/929uar53c.

19. Кабрин В. И. Холистическая модель когнитивно-ноэтического развития личности // Сибирский психологический журнал. 2021. № 81. С. 6–27. DOI: 10.17223/17267081/81/1. EDN: YRYEVY.

Kabrin V. I. Kholisticheskaya model' kognitivno-noeticheskogo razvitiya lichnosti [A Holistic Model for Individual Noetic-Cognitive Development]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal. Siberian Journal of Psychology*. 2021. No. 81. P. 6–27. DOI: 10.17223/17267081/81/1. EDN: YRYEVY. (In Russ.).

20. Novac A., Tuttle M. C., Blinder B. J. Identity Narrative and Its Role in Biological Survival: Implications for Child and Adolescent Psychotherapy. *Journal of Infant, Child, and Adolescent Psychotherapy*. 2019. Vol. 18, no. 2. P. 155–184. DOI: 10.1080/15289168.2019.1583053.

21. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / пер. с фр. Т. В. Славко. Москва, Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. 313 с.

Ricoeur P. Vremya i rasskaz. T. 1. Intriga i istoricheskiy rasskaz [Time and Story. Vol. 1. Time and Narrative.] / trans. from Fr. T. V. Slavko. Moscow, Saint Petersburg, 1998. 313 p. (In Russ.).

22. Вдовина И. С. Диалог или конфликт интерпретаций // Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И. Вдовиной. Москва: КАНОН-пресс-Ц; Кучково Поле, 2002. С. 5–36.

Vdovina I. S. Dialog ili konflikt interpretatsiy [Dialogue or Conflict of Interpretations] // Ricoeur P. Konflikt interpretatsiy. Ocherki o hermenevtike [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics] / trans. from Fr. I. Vdovina. Moscow, 2002. P. 5–36. (In Russ.).

23. Мальшина Н. А. Герменевтика культуры П. Рикёра как продолжение фундаментальной онтологии // Вестник культуры и искусств. 2020. № 1 (61). С. 53–61. EDN: QGKLHX.

Malshina N. A. Hermenevtika kul'tury P. Rikera kak prodolzheniye fundamental'noy ontologii [Paul Ricœur Hermeneutics of Culture as a Fundamental Ontology Extension]. *Vestnik kul'tury i iskusstv. Culture and Arts Herald*. 2020. No. 1 (61). P. 53–61. EDN: QGKLHX. (In Russ.).

24. Panksepp J. Affective Consciousness: Core Emotional Feelings in Animals and Humans. *Consciousness and Cognition*. 2005. Vol. 14, no. 1. P. 30–80. DOI: 10.1016/j.concog.2004.10.004.

25. Panksepp J., Northoff G. The Trans-Species Core SELF: The Emergence of Active Cultural and Neuro-Ecological Agents Through Self-Related Processing within Subcortical-Cortical Midline Networks. *Consciousness and Cognition*. 2009. Vol. 18, no. 1. P. 193–215. DOI: 10.1016/j.concog.2008.03.002.

26. Freeman M. Charting the Narrative Unconscious: Cultural Memory and the Challenge of Autobiography. *Narrative Inquiry*. 2002. Vol. 12, no. 1. P. 193–211. DOI: 10.1075/ni.12.1.27fre.

27. Frie R. On Culture, History, and Memory: Encountering the «Narrative Unconscious». *Contemporary Psychoanalysis*. 2012. Vol. 48, no. 3. P. 329–343. DOI: 10.1080/00107530.2012.10746507.

28. Raskin J. D. Constructing the Narrative Unconscious. *Considering Counter-Narratives: Narrating, Resisting, Making Sense* / Eds. M. Bamberg, M. Andrews. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 317–323.

29. Романов Р. Е. Интеллектуальная саморефлексия как метод генерирования нового исторического знания // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 233–240. DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-19. EDN: YMKJSP.

Romanov R. E. Intellekтуальная samorefleksiya kak metod generirovaniya novogo istoricheskogo znaniya [Intellectual Self-Reflection as a Method of Generating New Historical Knowledge]. *Istoricheskiy kur'yer. Historical Courier*. 2018. No. 1. P. 233–240. DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-19. EDN: YMKJSP. (In Russ.).

30. Carr D. Time, Narrative, and History. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 300 p.

31. Lambek M. The Past Imperfect: Remembering as Moral Practice // Tense Past: Cultural Essays in Trauma and Memory / Eds. P. Antze, M. Lambek. London: Routledge, 1996. P. 235–254.

32. Бараш Дж. Э. Что такое коллективная память? К вопросу об интерпретации памяти Полем Рикёром / пер. с англ. И. С. Вдовиной // Философские науки. 2012. № 10. С. 32–43. EDN: PJOLWX.

Barash J. A. Chto takoye kollektivnaya pamyat'? K voprosu ob interpretatsii pamyati Polem Rikerom [What Is a Collective Memory? On the Question of Paul Ricœur's Interpretation of Memory] / trans. from Engl. I. S. Vdovina. *Filosofskie nauki. Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2012. No. 10. P. 32–43. EDN: PJOLWX. (In Russ.).

33. Романовская Е. В. Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, № 3. С. 39–44. DOI: 10.18500/1819-7671-2010-10-3-39-44. EDN: MVTZUH.

Romanovskaya E. V. Moris Khal'bvaks: kul'turnyye aspekty pamyati [Morris Halbwachs: Cultural Contexts of Memory]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2010. Vol. 10, no. 3. P. 39–44. DOI: 10.18500/1819-7671-2010-10-3-39-44. EDN: MVTZUH. (In Russ.).

34. Сергейчик Е. М. Историческая идентичность: территория и карта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Т. 32, № 1. С. 63–71. EDN: VTKDBF.

Sergeychik E. M. Istoricheskaya identichnost': territoriya i karta [Historical Identities: Territory and Map]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedeniye. Vestnik of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy, Conflictology, Culturology, Religious Studies*. 2016. Vol. 32, no. 1. P. 63–71. EDN: VTKDBF. (In Russ.).

35. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. Б. Н. Бессонова. Москва: Прогресс, 1988. 704 с.

Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoy hermenevtiki [Truth and Method] / trans. from Germ. B. N. Bessonov. Moscow, 1988. 704 p. (In Russ.).

36. Milosz C. Native Realm. A Search for Self-Definition. Penguin Classics, 2014 320 p.

БАБИЧ Владимир Владимирович, кандидат философских наук, магистр кафедры «История философии и логики» Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск.
SPIN-код: 1277-7431
AuthorID (РИНЦ): 752690
ORCID: 0000-0001-8537-9782
Адрес для переписки: v.v.babich@gmail.com

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 28.06.2025.

BABICH Vladimir Vladimirovich, Candidate of Philosophical Sciences, Master's Degree of the History of Philosophy and Logic Department, National Research Tomsk State University, Tomsk.

SPIN-code: 1277-7431

AuthorID (RSCI): 752690

ORCID: 0000-0001-8537-9782

Correspondence address: v.v.babich@gmail.com

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 18.03.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 28.06.2025.